
ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга не задумывалась как автобиография. Это не мемуары, так как я был далек от того, чтобы сделать ее автора неким героем повествования, — мне представляется, что мемуарная литература этим отличается от других жанров. Тем не менее — никуда не денешься — я был участником многих из описываемых событий и пропускал их через свое видение. Эта книга — и не историческое исследование, хотя в ней рассмотрены события и процессы, без оценки которых невозможно понять историю России конца второго тысячелетия.

В этой книге я хотел показать многослойность российской политической и общественной жизни. Уверен, что однозначные оценки происшедшего и происходящего в России неточны, а значит — неприемлемы.

Это, по сути, новая книга, хотя и является вторым переработанным изданием книги «Встречи на перекрестках», вышедшей сравнительно небольшим тиражом в Екатеринбурге. Я стремился к тому, чтобы эта книга, как и прежде изданные, не была конъюнктурной, просматривающей прошлое, пережитое через восприятие сегодняшнего дня.

Глава I
ВЕДОМЫЙ СУДЬБОЙ

*Мало кто понимает, что мы не
идем по жизни, а нас ведут по ней.*

Лион Фейхтвангер

Тбилиси тех лет

Меня по жизни вела судьба, не только предопределяя тот или иной сдвиг, поворот, переход в другое качество, но отводя в сторону от различных капканов и западней. Вспоминая свое прошлое, особенно детство и юность, убеждаюсь в этом все больше. Как писал Сергей Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи».

Верю ли в божественное предначертание? Думаю, что существует Высшее начало у жизни. Высший интеллект, Высшая справедливость. Уверен, что тем, кто приносит добро, зачтется. Тому, кто поступает худо, жизнь отомстит.

Тбилиси, 1937 год. Вокруг повалились практически все, с кем моя мама — Примакова Анна Яковлевна, врач по специальности — дружила, встречалась, водила знакомство. Маминого брата, тоже врача-гинеколога, арестовали в Баку и, как стало известно позже, этапировали в Тбилиси, где расстреляли. Он был далек от политики. Мне стало известно через много лет, что главным «вещественным доказательством» его принадлежности к «антисоветской группе» был найденный при обыске юнкерский кортик — Александр Яковлевич несколько месяцев перед революцией был в юнкерах.

У мамы было много братьев и сестер, но все они, за исключением Александра Яковлевича и моей любимой тети Фани, умерли — один брат погиб в Русско-японскую войну, другой, вернувшись с фронта, умер от чахотки. Моя тетка стала женой известного доктора Д. А. Киршенבלата. Профессор, получивший степень в Берлинском университете, он был блестящим терапевтом — любимцем всего Тбилиси. У него было трое сыновей — двое старших от рано умершей жены. Один из них — Миша, тоже врач и пламенный боль-

шевик — был директором Тбилисского института скорой помощи, одной из крупных больниц в городе. Однажды из Еревана привезли тело первого секретаря ЦК компартии Армении Ханджяна. От Михаила Давидовича потребовали дать заключение о самоубийстве. Он гневно отверг это предложение и был арестован, а затем расстрелян.

В гулкие тбилисские ночи шурачи шини автомобиля, останавливающегося у того или иного дома. Ленинградская улица, на которой мы жили, небольшая — длиной метров в 150, всего 13 домов. Поэтому все трагедии происходили на глазах у всех. В доме 5 жил Лева Кулиджанов, ставший впоследствии большим кинорежиссером. Его кинофильмы «Дом, в котором я живу», «Когда деревья были большими», экранизация Достоевского вошли в классический фонд советского кино. А тогда, в 1937 году, мы — пацаны (он был старше нас на пять лет) толпились под его окном в бельэтаже. Ходили слухи (конечно, лишь слухи), что его мама при аресте отстреливалась. Из какого пистолета — нас интересовал главным образом этот вопрос, — из «браунинга»? «Что-то вроде этого», — отвечал уже не в первый раз Лева.

Я у матери единственный. Она родила меня уже в возрасте и жила мною. Трудно представить, как переломилась бы моя судьба, если бы ее арестовали.

Как я реагировал на происходившее? Некоторые представители моего поколения уверяют, что даже в «щенячьем возрасте» всё понимали. Я не принадлежал к числу «ясновидящих». Когда услышал, что арестовали заместителя председателя Совнаркома Грузии Илюшина, с женой которого мама сначала встречалась как с пациенткой, а потом сдружилась, взял ножницы и изрезал на мелкие куски кожаную кобуру и портупею, которую он мне подарил в день рождения.

Но все-таки маму косвенно задел трагический тридцать седьмой. Она работала в Железнодорожной больнице и была, как говорили, превосходным акушером-гинекологом. Но ее оттуда попросили, и она не без труда нашла работу в женской консультации Тбилисского прядильно-трикотажного комбината. Оставалась там единственным врачом непрерывно тридцать пять лет. Комбинат находился далеко от центра города, а во время войны мама еще взяла и вторую работу — в другом конце Тбилиси. Приходила домой вечером, изнуренная до предела. Она очень много работала ради того, чтобы я был накормлен и одет в то нелегкое для всех военное время.

Мама никогда не состояла ни в каких партиях, не проносила зажигательных речей, не любила даже поддерживать разговор на политические темы. Но это вовсе не означало ее политической инфантильности. Помню, как, уже будучи студентом, в самом начале 1950-х годов приехал на каникулы в Тбилиси и разговорился с матерью на «сталинскую тему». Сознаюсь, пришел в ужас от ее слов, что Сталин — «примитивный душегуб». «Да как ты можешь, ты хоть что-нибудь читала из трудов этого “примитивного человека”?» — взорвался я. Меня сразил спокойный ответ матери: «И читать не буду, а ты пойди и донеси — он это любит». Я никогда больше не возвращался к этой теме.

Однако подобные разговоры с матерью были исключением. У нее, я уверен, был богатый внутренний мир, но именно внутренний. Она не делилась им ни с кем, в том числе со мной. Может быть, оберегала меня. Думаю даже, что не только оберегала, так как при всех своих сомнениях и неприязни ко многому происходившему стране любила однозначно и вне всякого сомнения. Она считалась с моим внутренним настроем. Во всяком случае, была довольна, когда я стал комсомольцем, а потом и членом партии.

Ее любили работницы, уважали и побаивались руководители комбината — она не стеснялась в выражениях, если беременных женщин не отпускали в положенный отпуск или ставили в третью смену. Я узнал обо всем этом из прощальных слов на похоронах матери 19 декабря 1972 года — в последний путь ее провожал почти весь Тбилисский трикотажный комбинат.

Жили мы в общей квартире без элементарных удобств, в четырнадцатиметровой комнате. Целыми днями я с ребятами пропадал на улице. Окончив семь классов, объявил не на шутку встревоженной матери: «Еду с друзьями поступать в Бакинское военно-морское подготовительное училище». На робкое мамино: «Может быть, передумаешь, ведь в Тбилиси есть Нахимовское училище», — последовал ответ: «Я так решил. А Нахимовское училище подчиняется Наркомпросу, а не Министерству обороны. У них даже вместо ленточек на бескозырках куцый бант».

Сейчас, когда представляю себе во всей красе безапелляционность тогдашних своих поступков и при этом без стремления понять маму, становится грустно.

Учился я хорошо, больше всего любил математику, историю, литературу. Преподаватели в русских общеобразовательных школах в Тбилиси были очень сильные. Им,

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
Предисловие	4
<i>Глава I.</i> Ведомый судьбой	5
<i>Глава II.</i> Внесистемные диссиденты	25
<i>Глава III.</i> Война, которой могло не быть	57
<i>Глава IV.</i> Парадоксы и плачевный финал перестройки	84
<i>Глава V.</i> Пошел в разведку	104
<i>Глава VI.</i> В Министерстве иностранных дел	150
<i>Глава VII.</i> Сила или другие методы	189
<i>Глава VIII.</i> Ближневосточное урегулирование: неиспользованные возможности.	215
<i>Глава IX.</i> Председатель правительства	222
<i>Глава X.</i> «Семья», президент и я	304
Что дальше?	343